

ГОРОД, КОТОРЫЙ ПОМНИТ ГРОМ

ВЛАД ЮФ

Влад Юф

Город, который помнит гром

«Автор»

2026

Юф В.

Город, который помнит гром / В. Юф — «Автор», 2026

Город Керн висит над грозовой пропастью и держится благодаря звуку. Молодая настройщица Тея Ринн слышит в его стенах голос погибшего друга — и обнаруживает, что Сердечная машина питается украденными воспоминаниями жителей. Пока опоры разрушаются, а бедные кварталы восстают против Палаты Меры, Тее приходится объединиться с сестрой, от которой её отделяют тринадцать лет вины. Чтобы спасти Керн, она должна разоблачить преступление города, остановить человека, решившего освободить память взрывом, и отказаться от единственного голоса, который всё ещё обещает ей прощение. «Город, который помнит гром» — самостоятельный индустриально-фэнтезийный роман о травме и ответственности, сестринстве, классовом расколе и праве человека владеть собственным прошлым.

© Юф В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Пролог. Гром внутри стены	6
Глава 1. Настройщица брака	11
Глава 2. Сестра при протоколе	20
Глава 3. Дом без эха	30
Глава 4. Рынок украденных дней	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Влад Юф

Город, который помнит гром

От автора

Перед вами история города, который научился хранить чужую память и разучился честно говорить о собственной боли. Она начинается как загадка неисправной башни, но быстро становится рассказом о сёстрах, разделённых травмой, классовой границей и разными представлениями о спасении.

Этот роман не требует справочника перед чтением. Законы Керна, устройство резонаторов и прошлое героев раскрываются внутри действия. Стоит лишь помнить: звук здесь способен быть инструментом, оружием и свидетельством, однако ни одна технология не снимает с человека ответственности за сделанный выбор.

В книге есть тяжёлые темы — утрата, психологическая травма, насилие и последствия общественного раскола. Они нужны не для украшения мрачного мира, а для разговора о том, можно ли вернуть себе право на будущее, не стирая прошлого.

Пролог. Гром внутри стены

Башня отзывалась на грозу раньше неба.

Под ладонью Теи чёрный камень вздрагивал короткими, почти стыдливými толчками. Первый шёл от восточной опоры, второй — от башенного камертона, третий должен был прийти сверху, по медной жиле громоотвода. Между ними оставалось ровно столько времени, чтобы вдохнуть, прижаться щекой к стене и услышать, как город проверяет собственные кости.

Второй толчок прошёл.

Третьего не было.

— Вот ты где, — прошептала Тея.

Она висела над пропастью на высоте сорока этажей, держась носками за шов кладки. Под ней Сухие Доки лежали россыпью мутных фонарей. Ещё ниже не существовало ничего, что можно было увидеть: только грозовая белизна, клубившаяся между базальтовыми рёбрами Керна. Когда молния вспыхивала в глубине, город на мгновение становился прозрачным скелетом — мосты, подвесные дома, шахты подъёмников и опоры, уходившие в свет без конца.

Тея достала из-за пояса резонансную спицу. Та была длиной с её предплечье, собранная из медной трубки, зубца старого камертона и рукояти, обмотанной серой тканью. Палата Меры не выдала бы лицензию даже на хранение такого устройства. Оно умело слушать камень без фильтра, а значит, слышало то, что городские настройщики обязаны были пропускать мимо ушей.

В её левом ухе тихо щёлкнул имплант.

Не сейчас.

Тея замерла. Щелчок повторился, затем растворился в знакомом шорохе — будто кто-то водил ногтем по внутренней стороне её черепа. Так начинались ложные голоса. Сначала шум, потом дыхание, потом Эс произносил её имя тем тоном, каким говорил перед опасной работой: сердито и бережно одновременно.

Она научилась не отвечать вслух.

Почти.

— Я знаю, что делаю.

Ветер сорвал слова и бросил их вниз.

Тея вогнала спицу в шов. Металл вошёл на толщину пальца и остановился. Она повернула рукоять, подстраивая зубец под частоту башни. На запястье дрожали семь тонких колец — не украшения, а шкала. Первое зазвенело, потом второе. На пятом камень перестал быть твёрдым предметом и стал низким, бесконечно долгим звуком.

Город открылся.

Она услышала, как в соседней башне ходит грузовой подъёмник. Как на мосту в трёх кварталах отсюда лопнула крепёжная скоба. Как женщина за кирпичной стеной укачивает ребёнка и ногтем отбивает по чашке запрещённую рабочую песню. Всё это было поверхностью — свежими волнами, которые материя принимала и скоро забывала.

Тея искала глубже.

Она повернула рукоять ещё на четверть деления. Первое кольцо раскалилось. Внутри стены появился многоголосый гул, такой плотный, что заболели зубы. Тысячи звуков лежали друг на друге: шаги давно умерших настройщиков, удары молотов, команды строителей, предсмертный скрежет старой опоры. Камень помнил не словами. Он сохранял давление, ритм, форму испуга.

Спица переводила их неправильно, но достаточно близко.

— Эс, — сказала Тея. — Если ты здесь, перестань играть.

Из стены донёсся смех.

Она едва не разжала пальцы.

Смех был коротким, с захлёбом на конце. Эс смеялся так всякий раз, когда ей удавалось что-нибудь опасное и он ещё не решил, ругать её или восхищаться. Ни одна живая запись не сохранила этого звука. В мастерской запрещалось держать личные цилиндры. После пожара Палата изъяла всё, чего коснулось пламя.

Тея прижалась лбом к камню.

— Скажи что-нибудь, чего я не знаю.

Это был их старый пароль. В детстве они прятали детали в вентиляционной трубе и требовали пароль друг у друга, хотя оба знали ответ. Эс обычно говорил какую-нибудь глупость: что дождевой червь имеет пять сердец, что мастер Венн красит седину сапожной ваксой, что на верхнем ярусе люди платят за настоящую тишину.

Стена молчала.

Тея почувствовала, как надежда меняет форму и становится стыдом. Конечно, это был её имплант. Кусок проволоки у височной кости, обожжённые нервы и память, которая научилась отвечать сама себе. Она пришла сюда, нарушила три печати Палаты, забралась на внешнюю стену перед грозой — ради собственного эха.

Потом Эс сказал:

— Третья опора пустая.

Тея подняла голову.

Голос шёл не из импланта. Она ощущала его пальцами, сжатыми вокруг рукояти. Каждый слог дрожал в камне.

— Какая третья?

— Под нами.

— Под нами пропасть.

— Поэтому они не смотрят.

В глубине башни что-то переключилось. По медной жиле наконец пришёл запоздавший третий толчок. Он оказался слишком сильным. Кольца на запястье Теи зазвенели все разом.

Она выдернула спицу.

Поздно.

Шов раскрылся белой линией. Из него вырвался не свет — воспоминание о свете: жаркая комната, солнце в окне, пыль над деревянным столом. Чужая рука держала красную ягоду. Женщина смеялась, и Тея знала, что любит её, хотя никогда не видела ни руки, ни ягоды, ни этого лица.

Картина исчезла. На её месте возникла другая.

Мужчина стоял по колено в чёрной воде и звал брата.

Девочка прятала сломанный зуб под подушку.

Старик забывал дорогу к дому.

Сотни чужих жизней прошли через Тею быстрее, чем она успевала отделять их от своей. Имплант захлебнулся. Она ударилась затылком о стену и едва удержалась на шве. Над городом вспыхнула настоящая молния, но гром потерялся внутри голосов.

— Закрой! — крикнул Эс.

— Как?

— Ты открыла!

Очень на него похоже. Даже после смерти оставить ей половину инструкции.

Тея нащупала спицу. Та висела на страховочном шнуре и билась о стену, выбивая искры. Белая трещина ползла вверх к башенному камертону. Если достигнет развилки, память уйдёт в общую сеть. Тогда весь квартал услышит то, что сейчас разрывало её голову. Или потеряет собственный ритм. Или случится что-то хуже — справочники Палаты не описывали нелицензированные катастрофы.

Она поймала спицу, перевернула тупым концом и ударила по шву.

Камень ответил визгом.

В окнах Сухих Доков погас свет.

Тея ударила снова, уже под другим углом. Нужно было не закрыть трещину — камень не дверь, сколько ни притворяйся, — а дать лишней волне путь. Рядом проходила водосточная жила. Пустая перед дождём, она могла принять удар и рассеять его в нижних цистернах.

Если цистерны были пусты.

Если старые планы не ввали.

Если она не перепутала запад с востоком, пока в её голове чей-то отец впервые держал новорождённого сына.

Третий удар расколол наконечник спицы. Тея почувствовала нужную частоту и навалилась на рукоять всем телом.

Белая линия свернула.

Память хлынула по водостоку. Где-то внизу лопнула труба. Башня содрогнулась, и Тея вместе с куском кладки сорвалась со шва.

Страховочный трос натянулся так резко, что ремень вышиб воздух из груди. Она повисла в метре от стены. Спица улетела в пропасть, но один из её колец остался на пальце. Теперь оно было не серым, а молочно-белым и продолжало тихо звучать.

Внутри него кричал город.

Тея подтянулась к аварийной скобе. Плечо не слушалось. На языке ощущалась кровь. Над крышей башни уже зажглись три янтарных огня — автоматический сигнал нарушения строя. До прибытия инспекторов оставалось семь минут, если ближайший пост не спал. Четыре, если Палата ждала её.

— Что значит «опора пустая»? — спросила она у кольца.

Чужие голоса продолжали накладываться один на другой. Молитва. Счёт до десяти. Рецепт кислого хлеба. Шёпот человека, который признавался в любви и не решился разбудить адресата.

Потом пробился Эс:

— Сердце считает нас топливом.

Слова не были похожи на него. Эс не говорил загадками, если можно было выругаться. Тея хотела спросить, кто такие «мы», но на соседней крыше хлопнула дверь.

По жестяному карнизу прошёл беззвучный человек.

Он носил белую маску без прорезей и длинный серый плащ инспектора внутренней частоты. Под его шагами металл не звенел. Такие люди появлялись после аварий, о которых потом никто не рассказывал. Они не арестовывали нарушителя на улице. Они стирали шум вокруг него, а утром соседи не могли вспомнить, кто жил за стеной.

Инспектор повернул гладкое лицо к Тее.

Она отпустила скобу.

На этот раз падение было намеренным. Тея пролетела два этажа, раскачалась на тросе и врезалась ногами в решётку технического балкона. Ржавое крепление вылетело. Она упала вместе с решёткой на крышу нижней пристройки, прокатилась по мокрой меди и ушла от тонкой прозрачной волны, рассёкшей воздух там, где только что находилась её шея.

Инспектор прыгнул следом.

Тея вытащила из сапога два настроечных клина и ударила ими друг о друга. Обычный человек услышал бы высокий неприятный звон. Башня услышала команду, которой не существовало в утверждённом словаре.

Все водосточные заслонки открылись одновременно.

На крышу обрушилась накопившаяся грозная вода. Инспектор удержался, прижав ладонь к меди. Тея не удержалась и позволила потоку унести себя к краю. За миг до паде-

ния она ухватилась за цепь грузового люка, ногой выбила замок и вместе с водой провалилась внутрь здания.

Темнота пахла озоном и старой пылью.

Она скользила по наклонному жёлобу, ударяясь локтями о стенки. Позади не было слышно погони. Это ничего не означало: беззвучные не производили шума даже при падении.

Жёлоб закончился над складом калибровочных пластин. Тея рухнула на штабель, и сотни тонких металлических листов загудели разными нотами. Имплант попытался их разобрать, захлебнулся и отключился.

Мир стал почти тихим.

В этой тишине она услышала шаг.

Не ушами — подошвами.

Инспектор стоял на краю верхней площадки. В руке он держал короткий стеклянный жезл. Там, где жезл касался перил, металл забывал звучать.

Тея сжала белое кольцо.

В нём оставался один удар башни, слишком сильный и запоздавший. Украденная нота. Если выпустить её здесь, склад сложится внутрь, как бумажный фонарь. Инспектор исчезнет под пластинами. Вместе с ним могут погибнуть ночные рабочие на нижних этажах.

Раньше Тея сказала бы себе, что успеет рассчитать.

Она уже однажды сняла ограничитель, потому что была уверена в своих руках.

Кольцо пело между пальцами.

Инспектор поднял жезл.

Тея бросила кольцо не в него, а в дальнее окно.

Стекло взорвалось наружу. Башенная нота ушла в ночь и ударила по воздушному мосту. По всему кварталу зазвонили аварийные колокола. Инспектор обернулся на долю секунды.

Этого хватило.

Тея скользнула между пластинами, нырнула в ремонтный лаз и захлопнула за собой решётку. Она знала башню лучше чертежей Палаты: два года после пожара провела в городской службе брака, меняя опоры там, куда лицензированные мастера не хотели спускаться. Лаз вывел её к внешней трубе, труба — на крышу прачечной, а оттуда начинались мостки Сухих Доков, где один серый плащ значил меньше, чем сотня открытых окон.

Она бежала, пока башня не скрылась за дымом.

Только в мастерской, заперев три замка и подперев дверь разобраным прессом, Тея заметила, что кольцо всё ещё у неё.

На пальце белел тонкий ободок.

То, что она бросила в окно, было воспоминанием о броске.

Кольцо научилось лгать материи.

— Эс?

Ответа не последовало.

Тея опустилась на пол между ящиками с браком. Плечо распухало. Мокрая одежда прилипла к спине. За стеной город возвращал себе ритм: один за другим запускались подъёмники, зажигались фонари, гудели мостовые пластины. Третья нота башни снова приходила вовремя.

Слишком вовремя.

Будто никакой трещины не было.

Будто внутри стены не хранились чужая любовь, чужой страх и голос мёртвого мальчика.

На рабочем столе лежал официальный бюллетень Палаты Меры. Утром его расклеили по всему кварталу: «Сердечная машина не хранит личных следов. Извлечение памяти является добровольной медицинской процедурой. Слухи об остаточном сознании опасны».

Тея сорвала лист, перевернула и нарисовала по памяти схему трещины.

Под ней написала слова Эса.

Сердце считает нас топливом.

Перо задержалось над последним словом. «Нас» могло означать погибших. Могло — всех, кто отдавал Палате семь минут счастья за отопление зимой. Могло быть всего лишь неправильным переводом дрожи камня, которому Тея отчаянно хотела придать знакомый голос.

В дверь постучали.

Три раза. Пауза. Ещё два.

Не инспектор. Инспекторы не стучали.

Тея спрятала схему под рубашку и взяла тяжёлый разводной ключ.

— Кто?

— Открой, — сказала Лиор. — Я знаю, что это была ты.

Сестра не приходила три года.

И всё же страшнее было другое: за дверью Тея слышала только один голос.

Лиор всегда ходила с охраной Палаты.

Глава 1. Настройщица брака

Тея не открыла дверь.

Лиор постояла снаружи достаточно долго, чтобы молчание стало отдельным разговором. Потом положила что-то на порог.

— В полдень придёт официальный дознаватель, — сказала она. — Если найдёт тебя здесь, я уже ничем не помогу.

— Ты никогда не помогаешь бесплатно.

— Завтра хоронят отца.

Слово оказалось хуже удара.

Тея навалилась плечом на пресс, будто Лиор могла открыть дверь одним именем. Мастер Андер Венн не был её отцом ни по крови, ни по документам. Он подобрал её после обрушения Восточного приюта, дал фамилию Лиор, но не Тее, потому что городская канцелярия потеряла три прошения подряд. Научил держать молот, различать трещину на слух и никогда не обещал, что боль исчезнет, если вести себя правильно.

Три года назад он выбрал Лиор.

Или Тея выбрала уйти. Память меняла виновного в зависимости от времени суток.

— От чего? — спросила она.

— Сердце.

— У города или у него?

За дверью шевельнулась ткань плаща.

— Приходи в Дом без эха к девяти. Одна. Нам оставили ключ на двоих.

Шаги Лиор удалились по мосткам. На пятом шаге она остановилась.

— И сними кольцо, Тея. Оно не твоё.

Тея посмотрела на белый ободок. Тот сидел у основания пальца, будто находился там всю жизнь.

До рассвета она пыталась снять его маслом, холодом, тонкой пилой и руганью. Кольцо терпело всё. Пила проходила сквозь металл, оставляя на нём воспоминание о царапине, которая исчезала через несколько секунд. Когда Тея подносила палец к огню, кожа чувствовала жар, а белая поверхность оставалась холодной.

Внутри больше никто не говорил.

К утру она обмотала руку рабочей лентой, переделась и ушла через крышу.

Сухие Доки просыпались не по свету. Солнце редко добиралось до нижних мостов, застревая в дыме литейных труб и брюхах подвесных складов. Утро объявлял первый грузовой хор: шесть платформ проходили над кварталом, и их направляющие пели басом. Стены отвечали. Стаканы дрожали на полках. Люди вставали, ругались и ставили воду на печь.

Сегодня хор фальшивил.

После ночного сбоя третий вагон опаздывал на половину удара. Большинство не замечало. Тея слышала расхождение даже через боль в левом ухе. Каждая опора передавала его дальше, и к дальнему краю Доков пол-удара превращались в резкий металлический всхлип.

На углу Ветошной линии этот всхлип совпадал с трещиной в мостовой пластине.

Толпа собралась раньше городской бригады. Люди стояли по обе стороны серого круга, проступившего на металле. В центре продавец каши размахивал черпаком и требовал вернуть ему тележку. Переднее колесо провалилось в щель, заднее висело над пропастью, а котёл продолжал исходить паром, будто не понимал серьёзности положения.

— Брак пришёл! — крикнул кто-то, увидев Тею.

Так её называли в Доках: не мастер, не настройщица, а Брак. Сначала в насмешку — после того как служба лишила её лицензии. Потом с уважением. Палата чинила то, что соот-

ветствовало заявке. Тея чинила то, от чего инспектор отворачивался, потому что ремонт стоил дороже дома.

Она присела у края круга и коснулась пластины костяшками.

— Всем отойти на три шага.

Продавец каши не сдвинулся.

— Тележка!

— Уже не ваша.

— Я за неё ещё восемь месяцев плачу.

— Значит, особенно не ваша.

Толпа засмеялась. Продавец пожелал Тее упасть вслед за котлом, но отступил.

Она приложила к пластине три маленьких слуховых камня. Первый застучал часто, второй молчал, третий издал звук, похожий на хруст льда. Пустота под дорогой расширялась к западному шарниру. Ещё один грузовой хор — и пластина сложится. Вместе с ней рухнет половина рынка.

— Ним! — позвала Тея.

Из-под тележки вылез мальчик в слишком большом кожаном фартуке. Ему было двенадцать, хотя из-за роста и привычки хмуриться прохожие давали десять или сорок. На щеке чернела полоса машинной смазки. В руках он держал паровой шланг, который успел отсоединить от котла.

— Я перекрыл клапан, — сказал он.

— А если бы пластина ушла?

— Каша обожгла бы нижний водосбор.

— А ты?

Ним пожал плечами.

Тея щёлкнула его по лбу. Не больно, но достаточно громко.

— Инструмент не геройствует. Инструмент возвращается в ящик целым.

— Я не инструмент.

— Тогда начини принимать решения лучше молотка. Принеси четыре длинных стяжки и глухой клин.

Мальчик побежал к мастерской. Тея легла на живот и заглянула в щель. Внизу медленно вращалось грозное облако. Между пластиной и опорным ребром тянулись три натяжные струны. Одна лопнула, вторая была покрыта белым налётом, третья держала вес всей улицы.

Белый налёт.

Такой же цвет, как у кольца.

Тея протянула руку в щель. Камень под мостовой был холодным. В импланте зашевелился шум, но она сразу уменьшила чувствительность. Никаких голосов. Сейчас ей нужны были живые люди над головой, а не мёртвые внутри стены.

На противоположном краю толпы появился городской настройщик. Его синяя форма была безупречной, на шее висела серебряная шкала Палаты. Он оценил круг, тележку, лежавшую Тею и остановился на безопасном расстоянии.

— Номер лицензии.

— Доброе утро, мастер Сев.

— Номер.

— Всё ещё отозван.

— Тогда отойдите от объекта городской сети.

Тея повернула голову. Сев был не старше тридцати, с аккуратными усами и выражением человека, которому каждый день достаются чужие нарушения. Он не выглядел жестоким. Хуже: он выглядел уставшим.

— Через девять минут пройдёт второй хор, — сказала Тея. — Западный шарнир не выдержит.

Сев сверился с карманным камертоном.

— Городская частота в допуске.

— Ваша шкала слушает опору. Трещина между опорой и пластиной.

— У вас нет права толковать показания сети.

— А у сети нет права ронять на людей рынок, но мы оба сегодня разочарованы.

Толпа одобрительно загудела. Сев покраснел и поднял свисток.

Тея ненавидела сцены, в которых ей отводилась роль любимой Доками преступницы. Любовь толпы была быстрым топливом. Она давала жар, но не направление. Если пластина рухнет, люди вспомнят, что Тея спорила с формой, а не то, кто первым заметил трещину.

Она поднялась и показала Севу ладони.

— Хорошо. Объект ваш. Прикажите перекрыть обе линии и эвакуировать рынок.

Он посмотрел на сотню торговцев, на мосты без запасного прохода и на часы над литейной трубой.

— Для этого требуется подтверждение аварийного класса.

— Подтвердите.

— Моя шкала не показывает аварии.

— Тогда разрешите мне поставить стяжки.

— У вас нет лицензии.

— Мы вернулись к началу. Зато теперь все слышали.

Ним протолкнулся через толпу со стяжками на плече. За ним шла госпожа Ярра, старшая рынка, широкая женщина с серебряными зубами. В руках она несла счётную книгу.

— Мастер Сев, — сказала она, — кто оплатит товар при эвакуации?

— Подайте заявление в Палату.

— Сколько рассматривают?

— До шестидесяти дней.

— Через девять минут у нас не будет улицы. Я разрешаю Браку работать на моей площади.

— Площадь принадлежит городу.

Ярра оскалила серебряные зубы.

— Город когда-нибудь сам платил здесь сбор за прилавок?

Сев оглядел людей и понял, что проиграл не Тее, а арифметике. Он мог вызвать инспекторов, но они не придут раньше хора. Мог уйти и сохранить формальную правоту. Мог рискнуть должностью и признать знание человека без лицензии.

— Я не видел, кто установил временные стяжки, — сказал он наконец. — После прохода состава участок будет закрыт.

— Ничего не слышала, — ответила Тея.

Они работали вчетвером: Тея, Ним, Ярра и продавец каши, который согласился отдать тележную ось для поперечной распорки, когда ему объяснили, что иначе платить останется только за облако внизу. Сев стоял рядом и официально не смотрел.

Тея пропустила первую стяжку под треснувшей пластиной, закрепила на здоровом ребре и натянула до ноты фа. Вторую — до ноты чуть ниже. Одинаковая настройка заставила бы их войти в резонанс и лопнуть вместе. Ним понял без объяснений и повернул третий ключ на другую четверть.

— Хорошо, — сказала Тея.

Он просиял, но сразу спрятал улыбку.

До хора оставалась минута.

Тея вставила глухой клин в западный шарнир. Теперь удар состава должен был уйти в тележную ось, затем в четыре стяжки, затем в здоровый край площади. «Должен» было любимым словом катастроф. Оно звучало убедительно, пока что-нибудь не происходило на самом деле.

Рельсы над крышами загудели.

— Всем лечь! — крикнула она.

Грузовой хор вошёл в квартал. Первый вагон дал правильный низкий удар. Второй прошёл следом. Третий опоздал.

Пластина вздыбилась.

Тележная ось согнулась дугой. Одна стяжка лопнула, хлестнув по камню. Ним приподнялся, чтобы посмотреть, и Тея прижала его голову локтем. По рынку пробежала волна: прилавки подпрыгнули, банки лопнули, котёл с кашей перевернулся в безопасную сторону.

Западный шарнир удержался.

Последний вагон прошёл. Пластина опустилась на распорки и замерла.

Несколько секунд никто не двигался. Потом продавец каши сел посреди разлитого завтрака и начал смеяться. К нему присоединилась Ярра. Смех переходил от человека к человеку, пока вся площадь не захохотала над тем, что ещё стояла.

Сев убрал свисток.

— В полдень подам заявку на замену пластины.

— Подайте на замену струны, — сказала Тея. — Пластина ни при чём.

— По документам струны меняли в прошлом месяце.

Она показала ему слуховой камень. На серой поверхности проступил белый след.

— Тогда кто-то заменил их только в документах.

Сев не взял камень.

— Я этого не видел.

— Сегодня у вас удивительно спокойное утро.

Он ушёл, прежде чем толпа успела решить, благодарить его или освистывать.

Ним собирал инструменты. Его руки дрожали после опасности, и это нравилось Тее больше прежнего пожатия плечами. Страх был не слабостью. Страх сообщал телу цену.

— Ты поднял голову, — сказала она.

— Хотел увидеть, держит ли третья.

— Если не держит, она сама тебе покажет.

— Но я правильно настроил.

— Правильно. И всё равно мог умереть.

Ним помолчал.

— Ты на башне тоже правильно настроила?

Тея медленно поднялась.

— На какой башне?

— На той, где ночью пропал свет. Все говорят, кто-то вскрыл шов. Ярра сказала, только один безумный настройщик полезет туда перед грозой.

— Ярра любит преувеличивать мою исключительность.

— А ещё у тебя рука обмотана.

Тея сунула белое кольцо глубже под ленту.

— Обожглась.

— Ты врёшь хуже, чем чинишь.

— Поэтому мне платят за второе. Где моя плата, кстати?

Ярра бросила ей мешочек с четырьмя тяжёлыми монетами и двумя рыночными жетонами. Этого хватало на неделю аренды или на один новый наконечник для спицы. После ночи

у Теи не осталось спицы. Зато осталось устройство, происхождения которого она не понимала и которое Лиор приказала снять.

Она выбрала наконечник.

По дороге в мастерскую Ним шёл слишком тихо. Обычно он задавал вопросы быстрее, чем Тея успевала придумать неправильные ответы. Почему опоры делают из базальта? Может ли человек лопнуть от собственной ноты? Если записать ругань мастера Сева и запускать возле его окна каждое утро, это преступление или техническое обслуживание?

Сегодня он держал руку в кармане и время от времени проверял, не выпало ли что-то.

Тея остановилась у рыбной копильни.

— Показывай.

— Что?

— То, ради чего ты молчишь уже целый мост.

Ним вытащил небольшой металлический лепесток. Такие ставили в дешёвые домашние резонаторы, чтобы стены отвечали на тревогу Палаты. Лепесток был погнут, края покрыты копотью. В центре виднелась свежая насечка клинической мастерской.

— Где взял?

— У мамы.

— Она знает?

— Она дала.

— Тогда почему спрятал?

Ним сжал губы.

— Потому что она не помнит, что дала.

Гул квартала отступил. Тея видела рот мальчика, движение прохожих, дым над трубами, но всё стало плоским и далёким.

— Рассказывай сначала.

Мать Нима работала на сортировке грузового хора. После зимы у семьи остался долг за отопительный ритм. Неделью назад она пошла в клинику Палаты и отдала десять минут памяти — не семь, потому что за дополнительные три платили вдвое. Домой вернулась весёлая, купила хлеб с настоящим маслом и сказала, что продала неважный летний день.

На следующее утро она не узнала песню, которую пела Ниму в детстве.

Через день забыла, где хранит ключ.

Вчера ночью разбудила сына, вложила лепесток ему в руку и велела отнести Браку. Утром спросила, почему он не на работе, и сказала, что никогда ничего ему не давала.

— Я хотел принести вчера, — закончил Ним. — Но ты была занята башней.

Тея не стала спрашивать, откуда он знает.

— Твоя мать подписывала согласие?

— Она умеет читать.

— Я не об этом.

— Сказала, там было написано: головная боль, плохие сны, временная путаница. Ничего про песню.

— Песни тоже бывают десятью минутами.

— Она продала летний день. Я родился осенью.

Вот почему Палата не любила детей в расследованиях. Взрослый мог принять объяснение, если оно было напечатано мелко и скреплено печатью. Ребёнок сравнивал слова с миром.

Тея завернула лепесток в ткань.

— Сначала посмотрю одна.

— Почему?

— Потому что если в нём ничего нет, тебе не нужно видеть разочарование. А если есть — тем более.

— Это память моей мамы.

— Именно поэтому.

Ним выхватил лепесток обратно.

— Ты говоришь как Палата.

Тея почувствовала укол сильнее, чем заслуживала простая фраза. Лиор тоже закрывала дверь и называла это защитой. Мастер Венн прятал правду, пока она не стала ключом на двоих. Каждый взрослый считал, что боль ребёнка уменьшается, если управлять её расписанием.

— Хорошо, — сказала Тея. — Вместе. Но если я велю отойти, ты отходишь. Не смотришь, держит ли третья.

— Сначала объясняешь почему.

— Торгуешься?

— Учусь принимать решения лучше молотка.

Она протянула ладонь. Ним положил лепесток сверху.

В мастерской Тея закрыла ставни и выставила на стол простейший слуховой станок: рамку, две чаши воды и иглу из грозowego серебра. Настоящий считыватель стоял дороже всего квартала и регистрировался по отпечатку врача. Её станок был слепым, неточным и иногда воспроизводил память владельца вместо записи. Зато Палата не знала о каждом включении.

Лепесток лёг между чашами. Тея настроила иглу на свежую насечку.

— Что должно произойти? — спросил Ним.

— Вода покажет форму звука.

— А голос?

— Если повезёт.

— А если не повезёт?

— Узнаем, что именно разбилось.

Она коснулась белым кольцом края рамки.

Станок включился сам.

Вода в чашах поднялась тонкими стенками. Игла задрожала, хотя Тея ещё не подала ток. Белое кольцо отвечало лепестку, как один зубец камертона другому. На секунду ей показалось, что вся мастерская исчезла и остались только две вещи, узнавшие родство.

— Ты это планировала? — прошептал Ним.

— Теперь уже да.

Из первой чаши донёсся женский голос:

— Не забудь соль.

Ним вздрогнул.

— Мама.

Фраза повторилась. Затем ещё раз, каждый раз с иной интонацией: усталой, весёлой, раздражённой. Вода перебирала один и тот же бытовой миг, словно не могла найти продолжение.

Тея уменьшила частоту. Под верхней записью проступил второй слой — клинические команды.

«Назовите своё имя».

«Вспомните выбранный день».

«Держите образ».

Мать Нима отвечала. Её звали Сайя Оль. Она вспоминала летний рынок, горячие доски моста и корзину жёлтых слив. Ним тогда был совсем маленьким и уснул у неё за спиной. Сайя купила соль, хотя денег почти не осталось. Потом запела, чтобы он не проснулся от грузового хора.

Ним шагнул к чаше.

— Она сказала, меня там не было.

— Может, ошиблась.

— Она никогда не путает моё рождение.

В записи появился сухой голос врача:

«Фрагмент превышает заявленную продолжительность. Разрешаете отсечение связанных следов?»

Пауза.

Сайя спросила, сколько заплатят.

Врач назвал сумму.

Она согласилась.

Ним отшатнулся.

— Она знала.

Тея хотела сказать, что согласие, купленное страхом холода, всё ещё согласие и одновременно не вполне свободный выбор. Хотела объяснить, как память связывает минуты: песня касается ребёнка, ребёнок — дома, дом — лица умершего мужа, и нельзя вырезать один день, не потянув края других. Всё это было правдой и ничем не помогало мальчику.

— Дослушаем, — сказала она.

После согласия должны были идти технические шумы процедуры. Вместо них в лепестке открылся глубокий слой, не принадлежавший клинике.

Третья нота.

Та самая, что опоздала ночью в башне.

Она проходила через голос Сайи и забирала что-то шире выбранного дня. Вода почернела, затем засветилась изнутри. По поверхности побежали лица — десятки, сотни, ни одно не задерживалось достаточно долго.

Белое кольцо сжалось на пальце Теи.

Она закричала и попыталась сорвать его. Рамка выгнулась. Вторая чаша лопнула, но вода не упала на стол. Она сохранила форму сосуда и продолжала дрожать в воздухе.

Из неё заговорил Эс:

— Тея, выключи.

Ним смотрел на пустую воду широко раскрытыми глазами.

— Кто это?

— Отойди!

На этот раз он подчинился.

Тея ударила ладонью по рамке. Станок не выключился. Она сломала грозовую иглу — звук продолжился через белое кольцо. Лепесток матери Нима и осколок башни соединились в единую цепь.

Третья нота становилась громче.

За стенами мастерской ответили дома. Один за другим, вверх по улице, домашние резонаторы запели низким больным хором. Люди кричали. Где-то разбилось окно.

Тея вспомнила водосточную жилу и то, как отвела в неё лишнюю волну. Здесь не было пустого канала. Всё вокруг уже принадлежало чьей-то жизни.

Кроме её собственной памяти.

Она схватила рамку обеими руками и прижала белое кольцо к металлической насечке.

— Бери, — сказала она.

Ничего не произошло.

— Я разрешаю. Бери у меня.

Кольцо нагрелось.

Мастерская исчезла.

Тея снова стояла в семейном цехе в день пожара. Эс был жив, сидел на верстаке и держал в зубах отвёртку. Солнечная полоса пересекала его лицо. Он говорил, что ограничитель нельзя снимать до прихода мастера Венн.

Она помнила, как заката глаза.

Помнила свою руку на винте.

Белое кольцо потянуло сильнее.

— Не это, — прохрипела Тея.

Память не слушалась. Она уже чувствовала запах горячей изоляции, слышала первый неправильный свист. Ещё мгновение — и кольцо заберёт весь пожар. Возможно, вместе с виной. Возможно, вместе с Эсом.

Тея выбрала другое.

Зимнее утро пять лет назад. Лиор спала за столом после ночной смены. Мастер Венн готовил отвратительный кофе и тихо подпиливал костяную застёжку для Теинового пальто. Никто не спорил. Никто ещё не погиб. Самый обычный час, который она берегла именно потому, что тогда не понимала его ценности.

— Это, — сказала Тея.

Кольцо приняло час.

Третья нота оборвалась.

Вода рухнула на пол. Домашние резонаторы замолчали. Ним подбежал к столу и схватил материнский лепесток. Теперь тот был чистым, без насечки, словно никогда не проходил клинику.

Тея сидела на коленях. Она знала, что когда-то у неё было серое зимнее утро с Лиор и мастером Венном. Знала, что считала его важным. Но внутри знания не осталось ни запаха, ни света, ни лиц.

Белое кольцо перестало жечь.

— Ты отдала память? — спросил Ним.

— Похоже.

— Её можно вернуть?

— Не знаю.

— А мамину?

Тея подняла пустой лепесток.

Если запись ушла в Сердечную машину, её можно было найти. Ночная башня доказала это. Но Палата заявляла, что личные следы не сохраняются. Либо официальная медицина не понимала собственный механизм, либо понимала слишком хорошо.

Снаружи зазвучали медные рупоры.

«Внимание жителям Сухих Доков. Ночной инцидент на западной резонаторной башне квалифицирован как преднамеренное повреждение городской опоры. Виновный подверг опасности двенадцать тысяч граждан. За сведения назначено вознаграждение».

Голос повторил сообщение.

Ним посмотрел на перевязанную руку Теи.

Она ждала вопроса. Или страха. Или того мгновенного отступления, с которым взрослые вспоминали, что у неё уже был один пожар.

Мальчик спрятал лепесток за пазуху.

— В полдень придёт дознаватель, — сказал он. — Я слышал, как Ярра говорила.

— Тебе лучше уйти.

— Куда?

— К матери.

— Она на смене.

— Тогда к Ярре.

— А ты?

Тея посмотрела на разрушенный станок. На схему под рубашкой. На белое кольцо, которое теперь хранило час её жизни и могло быть связано с памятью половины города.

— У меня похороны.

Она упаковала инструменты в длинный футляр, взяла новый наконечник и оставила монеты на столе для хозяина мастерской. Денег не хватало даже на разбитое окно. Значит, возвращаться сюда в любом случае было плохой идеей.

У двери Ним потянул её за рукав.

— Ты вернёшь маме песню?

Обещать было легко. Обещание превращало неизвестность в направление и заставляло другого человека ждать. Тея слишком часто пользовалась этим удобством.

— Я найду, куда её забрали, — сказала она. — А дальше мы решим вместе.

Это звучало слабее клятвы.

Поэтому, возможно, было честнее.

На улице люди уже читали свежие листовки Палаты. На них был нарисован силуэт диверсанта: высокий мужчина в капюшоне, вооружённый промышленным резонатором. Тея оказалась ниже, моложе и без капюшона. Государственная машина лгала о ней не из милосердия — она просто ещё не знала, кого искать.

Внизу прошёл очередной грузовой хор.

Третий вагон снова опоздал на половину удара.

Теперь Тея знала: это был не дефект состава.

Так звучал город, когда глотал чужую память.

Глава 2. Сестра при протоколе

Чужая память всегда начиналась с тела.

Лиор проверяла зрачки, пульс и способность назвать сегодняшний день раньше, чем спрашивала, что человек видел. После резонансного выброса мозг придумывал объяснение быстрее врача. Пациент мог уверенно помнить море, хотя родился в городе над пропастью и никогда не видел воды шире цистерны. Мог узнать умершую женщину в медсестре. Мог забыть собственное имя и точно описать вкус чужого свадебного пирога.

Тело лгало медленнее.

— Следите за пальцем, — сказала Лиор.

Мужчина на койке послушно перевёл взгляд вправо. Левый зрачок запоздал.

— Как вас зовут?

— Дан Арро.

— Где вы находитесь?

— В клинике Западной Меры.

— Какой сейчас год?

Он назвал год правильно, потом улыбнулся.

— А ещё у меня дочь. Её зовут Мелла. Ей шесть, и она боится собак.

Женщина у койки закрыла рот рукой.

— У нас нет детей, — сказала она.

Дан посмотрел на неё с жалостью.

— Ты опять забыла.

Лиор поставила на карточке синюю точку. Приобретённая семейная память, устойчивая. Не повторять прямое отрицание. Изолировать от звуковых раздражителей. Проверить через шесть часов.

— Дан, сейчас вам нужно отдохнуть. Некоторые воспоминания после ночного сбоя могли прийти не от вас. Они будут казаться настоящими. Не пытайтесь их доказывать.

— Вы хотите сказать, моей дочери нет?

— Я говорю, что сейчас мы не знаем, кому принадлежит этот образ.

— Я знаю.

— Верю, что вы так чувствуете.

Он отвернулся к стене и заплакал тихо, по-детски, закрыв лицо локтем. Жена потянулась к нему, но Лиор остановила её взглядом. Утешение могло закрепить ложную связь; отстранение — разрушить настоящую. Врач памяти постоянно выбирал, какую ошибку считать менее жестокой.

На соседней койке старуха требовала вернуть ей красную ягоду. Двое рабочих спорили, кто из них стоял в чёрной воде и звал брата. Девочка с выбитым молочным зубом уверяла, что спрятала его под подушку, хотя зуб был цел и она никогда не спала на подушке.

Лиор записывала образы один за другим.

Красная ягода.

Чёрная вода.

Сломанный зуб.

Те же фрагменты называли жители четырёх разных улиц. Значит, выброс не породил случайные фантазии. Он передал сохранённый материал через башенную сеть. Палата официально утверждала, что Сердечная машина не хранит личных следов. В учебниках Лиор было написано то же самое: при извлечении связность памяти разрушается, остаётся только безличный ритмический рисунок.

Безличный рисунок не помнит ягоду.

— Доктор Венн.

У изголовья стоял помощник архивиста в серой форме. Короткая накидка, медный знак внутренней частоты, перчатки до локтя. Без маски. Значит, пока беседа считалась медицинской.

— Я не закончила обход.

— Архивист Орд ждёт предварительный отчёт.

— Пациенты тоже ждут.

— Отчёт нужен, чтобы предотвратить следующую волну пациентов.

Он произнёс это спокойно. Люди Палаты редко повышали голос. Громкость означала, что говорящий не контролирует пространство.

Лиор передала планшет младшему врачу.

— Никаких извлечений до моего возвращения. Даже добровольных.

— Управляющий уже прислал обычную очередь, — сказал тот.

— Отправьте домой.

— У них назначено. Некоторые рассчитывают на оплату.

— Тогда пусть управляющий лично объяснит, почему клиника не может гарантировать, что их детство не окажется завтра у соседа.

Помощник архивиста слегка наклонил голову. Он запоминал каждое слово.

Лиор сняла белый халат и пошла за ним.

Клиника занимала внутренность старой опоры. Внешние коридоры изгибались вместе с базальтовым ребром, а центральная шахта уходила вниз к Сердцу. Чем ближе к середине, тем чище становились стены. В палатах Сухих Доков штукатурка осыпалась на койки. Перед кабинетами Палаты камень был отполирован так, что отражал лица.

Архивист Сайвер Орд ждал не в кабинете, а в наблюдательной комнате над залом извлечений.

За стеклом стояли двенадцать кресел. К вискам каждого крепились серебряные дуги, от них к полу уходили тонкие нити. Сегодня кресла пустовали. На подлокотнике одного лежала забытая детская варежка.

Орд был высоким сухим человеком с седыми волосами, подстриженными почти до кожи. Он не носил знаков должности. Его и без того узнавали по привычке смотреть на собеседника так, словно тот был задачей, решение которой не должно зависеть от симпатии.

— Сколько пострадавших? — спросил он.

— Сто восемьдесят два зарегистрированных. Ещё будут.

— Тяжёлых?

— Девять с потерей ориентации. Трое не узнают близких. Один присвоил полную семейную память неизвестного происхождения.

— Умершие?

— Нет.

— Повреждение опор?

— Я врач.

— Вы Венн.

Лиор не ответила.

На столе Орда лежала прозрачная пластина с изображением западной башни. Белая линия шла от внешнего шва к водосточной жиле. Рядом отмечались три точки удара. Первая — слишком высокая. Вторая — пробная. Третья точно попала в старый канал.

Тея всегда проверяла материал дважды, а третий удар наносила всем телом.

— Вы узнаете метод? — спросил Орд.

— Любой нелегальный настройщик мог использовать водосток.

— Большинство нелегальных настройщиков не знают о канале. Он отсутствует на общих планах сорок два года.

— Тогда спросите того, кто выдал диверсанту закрытый план.

— Или того, кто вырос в доме его автора.

Орд коснулся пластины. Появилась схема мастерской Андера Венна, выполненная его угловатой рукой. Рядом — копия служебной записи после пожара. Имя Теи не было написано полностью, только инициалы несовершеннолетнего свидетеля.

Лиор почувствовала, как внутри поднимается старый холод. Не страх за Тею. Страх перед Теей. Это различие она три года называла зрелостью.

— Андер мёртв, — сказала она.

— Вчера вечером. Очень своевременно.

— Вы обвиняете его?

— Мёртвых обвинять бесполезно. Они не меняют поведения.

— От чего он умер?

— Вы врач.

Орд вернул ей собственный ответ без улыбки.

— Я не осматривала тело.

— Сердечная недостаточность. Никаких признаков вмешательства. Он оставил распоряжение о похоронах и предмет, который должны получить две дочери одновременно.

— У него одна дочь.

— Канцелярия действительно так считает.

Лиор посмотрела на пустые кресла за стеклом. Варежка была зелёной, с заштопанным большим пальцем. В такую же мастер Венн когда-то зашил металлическую пластинку, чтобы маленькая Тея не обжигала руку о трубы. Она потом использовала пластинку как отвёртку, разорвала ткань и соврала, что варежку украла.

Воспоминание было полным: запах мастерской, хриплый смех отца, Теины волосы, торчащие из-под шапки. Лиор проверила его, как проверяла пациентов. Где находилась? Какой был год? Что произошло до и после?

Связи держались.

Пока.

— Зачем я здесь? — спросила она.

— Вы уже видели сестру.

Это не было вопросом.

— Я сообщила ей о похоронах.

— И не задержали.

— У меня нет таких полномочий.

— Вы могли вызвать инспектора.

— Чтобы он вошёл в жилой дом без ордера и применил беззвучие к подозреваемой с повреждённым имплантом?

— Вы уверены, что имплант ещё работает?

Лиор слишком быстро посмотрела на него.

Орд заметил.

— Андер установил устройство после пожара, — продолжил он. — Без разрешения Палаты. Мы позволили ему остаться, поскольку удаление могло лишить девочку слуха. Благодарность редко бывает устойчивым лекарством.

— Ей было семнадцать.

— Теперь она взрослая и повредила башню.

— Вы ещё не доказали, что это Тея.

— Я надеюсь, что ошибаюсь. Если другой человек способен извлечь связанные воспоминания из опоры, проблема гораздо серьезнее одной талантливой преступницы.

Впервые за беседу Лиор услышала в его голосе не расчёт, а усталость. Тонкая неровность на слове «связные». Она могла означать страх. Или тщательно выбранный способ показать ей страх.

— Что было в башне? — спросила она.

— Вы составите медицинское объяснение: резонансная авария активировала собственные ассоциативные сети пациентов и вызвала сходные образы под влиянием слухов.

— Это неправда.

— Это версия, которая уменьшит дальнейшее заражение.

— Память не заразна.

— Вы наблюдали Сухие Доки после хорошей песни? Через час весь квартал уверен, что знал её с рождения. Человек — резонатор, доктор Венн. Иногда различие между болезнью и историей заключается только в пользе.

— Я не подпишу.

— Тогда подпишет другой врач. Но если вы сможете вернуть устройство, я постараюсь, чтобы ваша сестра получила лечение, а не маску.

Лиор посмотрела на белую варежку — нет, зелёную. На секунду цвет изменился, и она не поняла, ошибся ли свет или память.

— Что за устройство?

— Вы увидите, если она принесёт его на похороны.

— Вы собираетесь следить за Домом без эха.

— Мы следим за каждым местом, где запрещено звучать.

Орд закрыл пластину.

— И ещё одно. Андер Венн не умер от страха. Не позволяйте сестре придумать более удобную смерть.

Лиор вернулась в палаты и до конца смены говорила только о телах.

Пульс. Зрачки. Сон. Вода. Изоляция. Повторная проверка через шесть часов.

К вечеру Дан Арро перестал помнить лицо несуществующей дочери, но скорбь осталась. Он знал, что потерял кого-то, кого никогда не было. Жена сидела рядом и держала его за руку, хотя врачебная инструкция советовала не закреплять чужую связь.

Лиор позволила.

Некоторые ошибки требовалось лечить добротой, даже если протокол не умел её измерять.

Перед уходом она открыла карту Сайи Оль. Женщина действительно прошла извлечение десяти минут шесть дней назад. Врач указал «расширенное согласие на связанные следы», осложнений не регистрировал. Объём списания составлял семь минут основного фрагмента и три минуты сопутствующего.

Но в энергетическом реестре напротив номера процедуры стояло сорок восемь минут полезного рисунка.

Лиор перечитала число.

Сорок восемь.

Она запросила исходную карту. Система ответила: доступ ограничен архивистом.

Запросила журнал изменений. Доступ ограничен.

Запросила имя врача. Им оказалась она сама.

Лиор отшатнулась от экрана.

В день процедуры Сайи она работала в северной клинике, о чём сохранились подписи двадцати пациентов. Кто-то использовал её печать. Или изменил память системы. Или её собственную.

Она закрыла запись и не подала сообщение о подделке.

Это решение нарушало три правила Палаты. Лиор ощутила почти физическое присутствие Теи, хотя сестра находилась далеко: насмешливый наклон головы, взгляд, в котором любое правило сначала обвинялось и лишь потом получало право на защиту.

«Ну вот, — сказала бы Тея. — Теперь ты тоже полезна».

Лиор ненавидела, когда воображаемая сестра оказывалась права.

Дом без эха стоял на среднем ярусе, между кварталами, где люди ещё слышали фабрики, но уже могли позволить себе стекло в окнах. Его построили для похорон настройщиков. Толстые стены поглощали городской ритм, чтобы последнее слово умершего не смешивалось с рабочими частотами. Внутри не разрешались камертоны, часы, металлические застёжки и музыка.

У входа Лиор сняла служебный знак и положила в войлочный ящик. Под платьем оставался медицинский ключ — кость, не металл. Инспектор на пороге проверил её ладони и пропустил.

Она пришла раньше назначенного времени. В зале находились шестеро старых коллег отца, управляющий мастерской и представитель Палаты. Тело Андера Венна лежало на каменной плите без гроба. Он потребовал не трогать дерево на то, что сгорит через час.

Смерть убрала из его лица раздражение и оставила усталость. Лиор поймала себя на желании поправить ворот рубашки. В детстве он никогда не позволял ей делать это при людях. «Если ворот лежит криво, значит, шея выбрала свободу», — говорил он.

Теперь шея ничего не выбирала.

Тея опоздала на семь минут.

Она вошла без верхней одежды, с длинным инструментальным футляром за спиной. Короткие тёмные волосы были влажными, седая прядь падала на левый висок. Правая рука перемотана рабочей лентой. На лице — то вызывающее спокойствие, которое появлялось у неё только после бессонной ночи или преступления.

Собравшиеся отвернулись почти одновременно.

Тея заметила и улыбнулась.

— Как мило. Все помнят меня одинаково.

— Сядь, — тихо сказала Лиор.

— Ты теперь раздаёшь места и мёртвым?

Лиор почувствовала взгляды. Тея всегда умела превратить частную рану в публичный фокус, а потом обвинить остальных, что они смотрят.

— Сегодня не обо мне.

Улыбка сестры исчезла.

— Конечно. Ты же пришла вовремя.

Служитель закрыл дверь. Город пропал.

Абсолютная тишина Дома без эха никогда не была полной: человек слышал дыхание, кровь в висках, движение ткани. Но после постоянного гула Керна она казалась падением. Лиор увидела, как Тея качнулась. Её имплант привык опираться на внешний ритм.

Служитель прочитал имя умершего и годы жизни. Никаких хвалебных речей — Андер запретил. Каждый присутствующий должен был назвать одно ремесло, которому научился у него, и одну ошибку, которую больше не повторит.

Старый настройщик сказал:

— Он научил меня слушать крепёж после затяжки. Я больше не буду считать молчание согласием материала.

Управляющий:

— Он научил меня хранить планы от огня. Я больше не оставляю один экземпляр.

Лиор сказала:

— Он научил меня сначала проверять тело. Я больше не назову страх доказательством вины.

Она не смотрела на Тею, но слышала, как та перестала дышать.

Очередь дошла до сестры.

Тея долго молчала.

— Он научил меня не чинить то, что нужно разобрать, — сказала она наконец. — Я больше не стану ждать разрешения от человека, который боится моего вопроса.

Представитель Палаты поднял взгляд.

Лиор закрыла глаза.

Даже прощание Тея превращала в объявление войны.

После слов плиту должны были опустить в печь. Служитель коснулся рычага, но механизм не сдвинулся. В абсолютной тишине из-под тела Андера донёсся один ясный удар.

Потом второй.

Все металлические предметы оставили у входа. Каменная плита не могла звучать сама.

Тея и Лиор одновременно подошли ближе.

Под ладонью умершего лежал маленький чёрный цилиндр.

— Этого не было при подготовке, — сказал служитель.

Представитель Палаты встал.

— Передайте предмет мне.

Тея быстрее вытащила цилиндр, но тот оказался прикреплён к плите двумя костяными замками. На одном был вырезан знак врача памяти, на другом — знак настройщика брака.

Лиор узнала работу отца. Он делал замки, которые открывались не ключом, а совместным действием. Когда сёстры были детьми, семейный ящик с зимними деньгами требовал, чтобы Лиор держала правильный пульс на одной пластине, а Тея находила частоту другой. Они ненавидели эту систему. Она не позволяла ни одной украсть деньги без участия второй.

— Отойдите, — приказал представитель Палаты. — Предмет может содержать неразрешённую запись.

— Это завещание, — сказала Лиор.

— Все записи умершего подлежат проверке.

— После передачи наследникам.

— Доктор Венн, вы находитесь в зоне внутренней частоты.

— Нет. Мы в Доме без эха. Здесь ваша сеть не действует.

Взгляд мужчины изменился. Он понял, что Лиор знает границу полномочий и намерена ею воспользоваться.

Тея наклонилась к цилиндру.

— Если вы закончили мериться печатями, папа оставил подсказку.

— Не называй его так только сейчас, — сказала Лиор.

— А когда мне было можно? До того, как вы оба решили, что я опаснее людей, которые устроили пожар?

— Не здесь.

— Ты всё выбираешь место, где правда неуместна.

Представитель Палаты шагнул к ним.

Тея коснулась левой пластины. Цилиндр ответил тихой дрожью. Лиор увидела под рабочей лентой белый свет.

— Сними руку, — прошептала она.

— Поздно.

— Тея, это устройство связано с выбросом. Я видела пациентов.

— Я тоже.

— Ты видела то, что сделала. Я видела людей после этого.

Тея дёрнулась, словно получила пощёчину. Представитель воспользовался мгновением и схватил её за запястье.

Белое кольцо вспыхнуло.

Мужчина отлетел к стене. Не его тело — воспоминание о движении. На короткий миг он остался стоять возле плиты и одновременно оказался у стены, затем мир выбрал второе положение. Служитель вскрикнул. Старые настройщики бросились к двери.

Лиор прижала пальцы к шее представителя. Пульс был, затылок цел. Дезориентация, но без явной травмы.

— Ты принесла это сюда, — сказала она.

— Оно не снимается.

— Ты могла не приходить.

— Ты сама сказала прийти!

— Не с оружием.

— Это не оружие.

— Оно только что переместило человека через комнату.

— Он схватил меня.

— И ты не знала, что произойдёт.

— Поэтому теперь знаю.

Лиор увидела в её лице ту же семнадцатилетнюю девочку у горящей мастерской: обожжённую, оглохшую, повторяющую, что теперь знает. Пять погибших превратились для неё в ещё один эксперимент, если смотреть достаточно жестоко.

Лиор знала, что это неправда.

И всё равно увидела.

— Дайте мне руку, — сказала она.

— Чтобы отвести в клинику?

— Чтобы проверить кровообращение. Пальцы синеют.

Тея посмотрела вниз. Кончики пальцев действительно потемнели. Она нехотя протянула запястье.

Лиор размотала ленту. Белое кольцо сидело не на коже, а частично внутри неё. Тонкие молочные нити уходили под ноготь и вдоль сухожилия. В месте соединения не было крови. Тело приняло материал, который не должен был существовать.

— Больно?

— Только когда оно берёт.

— Что берёт?

Тея отвела взгляд.

— Звук.

Ложь. Лиор ощущала её по ускорившемуся пульсу.

— Я могу помочь, если ты отдашь его мне.

— Оно не снимается.

— Мы найдём способ.

— «Мы» — это ты и Палата?

— Я и врачи, которым доверяю.

— Назови одного, чью печать нельзя украсть.

Теперь дёрнулась Лиор.

Тея заметила.

— Что?

— Ничего.

— Ты врешь ещё хуже меня.

Представитель Палаты застонал у стены. Скоро он придёт в себя. Снаружи ждали инспекторы, пусть в Дом они пока не входили. Орд знал о цилиндре и ожидал, что сёстры его откроют. Возможно, вся сцена была не ловушкой, а наблюдением за тем, что сделает белое кольцо.

Лиор положила свою ладонь на врачебный замок.

— Открываем и уходим через печную дверь.

Тея недоверчиво посмотрела на неё.

— А как же протокол?

— Протокол требует сначала проверить тело. Моё говорит, что через минуту сюда войдут люди без лиц.

Уголок рта Теи дрогнул.

— Скучала по тебе.

— Настрой частоту.

Тея положила перевязанную руку на второй замок. Лиор замедлила дыхание до шестидесяти ударов. В детстве отец требовал ровно семьдесят, но после работы в клинике её пульс стал ниже. Тея искала ответную ноту, щёлкая ногтем по кости.

— Он изменил настройку, — сказала она.

— Мы тоже изменились.

— Он ненавидел, когда замки переставали работать.

— Он ненавидел, когда люди ожидали, что старый ключ откроет нового человека.

Тея перестала стучать.

Вместо того чтобы подстроиться под пульс Лиор, она нашла интервал между ударами. Костяная пластина отозвалась слабой высокой нотой. Лиор поняла и изменила ритм: два быстрых удара, пауза, один медленный.

Замки раскрылись.

Чёрный цилиндр поднялся над плитой. На его поверхности проступила надпись, вырезанная рукой Андера:

«Дом помнит то, что мы ему запретили».

Внутри лежали две половины звукового ключа. Одна была гладкой и белой, как медицинская кость. Другая — чёрной, с насечками для слуховой спицы. По отдельности они не издавали ничего. Когда Лиор и Тея приблизили их, воздух между половинами сжался и показал схему старой мастерской.

На плане имелась комната, которой Лиор не помнила.

Дверь находилась за стеной, у которой они в детстве ели завтрак.

— Ты знала? — спросила Тея.

— Нет.

— А он?

— Очевидно.

— Три года ты жила там после моего ухода.

— Я не слышу стены.

— Удобно.

В коридоре за дверью Дома раздался один удар. Инспекторы просили впустить их. Второй удар означал приказ. После третьего они получали право нарушить тишину.

Лиор отломил белую половину ключа и спрятала в рукав. Тея взяла чёрную.

— Печная дверь, — сказала Лиор.

— Тело?

Отец лежал на плите между ними. Механизм кремации оставался закрыт, представитель Палаты приходил в себя, служитель прижимался к стене. Уйти означало оставить похороны незаконченными.

Третий удар мог прозвучать через несколько секунд.

Лиор взялась за ручной рычаг. Тея молча помогла. Вместе они сдвинули плиту к печи. Огонь зажёгся без звука — Дом поглощал даже треск. Свет прошёл по лицу Андера, и на миг Лиор показалось, что он снова морщится от их неумелой работы.

Плита ушла внутрь.

Тея держала рычаг до конца.

— Прощай, папа, — сказала она.

В абсолютной тишине слово принадлежало только живым.

Третий удар пришёл, когда сёстры уже открывали заднюю заслонку. За ней находился узкий канал для золы, ведущий к внешнему мосту. Лиор первой спустилась в горячую темноту. Тея захлопнула дверь над головой.

Они ползли на локтях, кашляя от старой сажи. Впереди светлела решётка. За спиной по Дому прошла волна беззвучия — инспекторы вошли и отключили всякий резонанс. Если бы сёстры задержались, белое кольцо могло замереть. Или взорваться. Или отдать ещё одну память.

У решётки Тея остановилась.

— Ты правда предлагаешь защиту?

— Да.

— В обмен на кольцо.

— В обмен на возможность понять, что оно делает с твоей рукой и головой.

— А ключ?

— Ключ принадлежит нам обеим.

— Палата так не считает.

— Мне всё меньше интересно, что она считает.

Тея всмотрелась в её лицо. Здесь, в тесном канале, нельзя было отвернуться, сохранить служебную осанку или спрятать страх за правильными словами.

— Ты боишься, — сказала она.

Лиор хотела спросить: кольца, Палаты, скрытой комнаты или сестры?

Ответ был слишком прост.

— Да.

Тея ожидала отрицания и потому не сразу нашлась.

— Меня?

— За тебя. Тебя. Того, что мы найдём. Я устала выбирать только один страх, чтобы остальные притворялись несуществующими.

Снаружи по мосту прошёл патруль. Через решётку виднелись серые плащи.

Тея прижала чёрную половину ключа к груди.

— В дом пойдём ночью.

— Инспекторы будут ждать.

— Они ждут меня везде. Это экономит время.

— Сначала я осмотрю кольцо.

— Сначала комната.

Они смотрели друг на друга, и Лиор поняла: старый замок всё ещё работал. Одна держала пульс, другая слушала промежутки. Ни одна не могла открыть дверь в одиночку.

— Одновременно, — сказала Лиор.

Тея протянула перевязанную руку.

Они не пожали ладони. Просто соприкоснулись половинами ключа.

Воздух между ними показал скрытую комнату, а затем ещё одну деталь, которой не было в первый раз: под полом мастерской проходила линия прямо к Сердечной машине.

Линия пульсировала с опозданием на половину удара.

Точно как третий вагон грузового хора.

Тея посмотрела на Лиор.

— Теперь слышишь?

Лиор не слышала ни звука.

Но белая половина ключа дрожала в её руке, повторяя ритм поддельной медицинской записи Сайи Оль.

— Теперь чувствую, — сказала она.

Глава 3. Дом без эха

К ночи дом успел забыть, что Андер Венн умер.

В кухонном окне горел свет. Дымовая заслонка открывалась каждые семь минут, выпуская ровный серый выдох. За мутным стеклом двигалась человеческая тень — широкие плечи, наклонённая голова, привычка останавливаться у стола.

Тея наблюдала с крыши напротив и знала, что это ловушка.

Всё равно смотрела.

— Он оставлял автоматический контур, когда уходил надолго? — спросила Лиор.

— Папа считал, что пустой дом должен выглядеть пустым. Чтобы воры не тратили время на разочарование.

— Не называй его папой только затем, чтобы мне было больно.

— Не решай, зачем я говорю.

Лиор лежала рядом за кирпичной трубой. Она сменила траурное платье на серые брюки и короткую куртку врача выездной службы. Белую половину ключа спрятала в костяном футляре у груди. На поясе висела медицинская сумка, слишком большая для одной перевязки и слишком маленькая для уверенности.

— Я различаю два патруля, — сказала она. — Один на северном мосту, другой у входа в линию.

— Три. На водосборной трубе беззвучный.

Лиор всмотрелась в темноту.

Инспектор стоял ниже уровня крыши и сливался с камнем. Только дождь выдавал его: капли исчезали вокруг серого плаща, не ударяясь о ткань.

— Как ты их замечаешь?

— По дыре.

— По какой?

— Мир шумит. Они — нет. Получается форма из отсутствия.

— Очень медицинское объяснение.

— Оно бесплатное.

Тея достала из футляра новую резонансную спицу. После покупки наконечника денег хватило только на медную трубку с трещиной и рукоять от промышленного скребка. Конструкция выглядела хуже прежней, зато имела отдельный глухой зубец. Если белое кольцо снова потянется к памяти, спица должна была отвести часть волны в землю.

«Должна».

Лиор заметила устройство.

— Ты собрала его сегодня?

— Пока ты составляла список причин мне не доверять.

— Я составляла список повреждений кольца.

— Нашла что-нибудь полезное?

— Оно сдавливает сухожилия, меняет температуру кожи и реагирует на эмоциональное возбуждение. Нити продвинулись на два миллиметра с похорон.

Тея посмотрела на перевязанную руку.

— Я спрашивала про полезное.

— Если продолжится с той же скоростью, через неделю ты не сможешь согнуть два пальца.

— Значит, у нас шесть дней на бесполезные споры.

Лиор схватила её за запястье — левое, здоровое.

— Это не шутка.

— Я не смеюсь.

Внизу повернулась маска беззвучного. Сёстры одновременно прижались к крыше.

Инспектор не мог их услышать, пока поле поглощало звук вокруг него, но движение оставалось движением. Тея дождалась, когда гладкое лицо снова повернётся к дому.

— Через главный вход не пройдем, — прошептала Лиор.

— Мы никогда не входили через главный.

Они пересекли три крыши, спустились в прачечный двор и добрались до задней стены мастерской. Там висела старая водяная бочка. В детстве Тея и Эс использовали её как ступень к окну, пока мастер Венн не поставил решётку. Потом научились снимать решётку. Он добавил замок. Они сделали копию ключа. Он заменил ключ звуковым узором. Тея подобрала узор, и тогда Андер перестал чинить окно.

Решётка открылась от первого касания.

— Он сохранил твою настройку, — сказала Лиор.

— Или Палата уже открывала.

На подоконнике не было пыли. Тея вошла первой.

Мастерская пахла так, как не должен пахнуть дом после смерти хозяина: горячим маслом, металлической стружкой и горьким кофе. На верстаке горела лампа. Под ней лежал разобранный домашний резонатор, рядом — инструмент, который Андер обычно оставлял в правом ящике. Кто-то воспроизвёл рабочий день по памяти, но не знал смысла деталей.

Тень в кухне снова прошла мимо двери.

Лиор подняла медицинский нож.

Тея остановила её.

— Смотри на пол.

Тень двигалась, а половицы не прогибались. На стене висела тонкая пластина отражения, и лампа проецировала записанный силуэт. Не человек. Воспоминание дома о человеке.

— Он сделал это? — спросила Лиор.

— Нет. Дом сам повторяет.

— Дома не повторяют движения через сутки.

— Этот связан с Сердцем.

Тея коснулась спицей порога кухни. При первом делении услышала трубы, при втором — щёлканье часов, которые Лиор увезла три года назад. На третьем возник кашель Андера.

Она застыла.

Кашель повторился из пустой комнаты, затем звякнула чашка. Тень подошла к столу. В памяти дома отец продолжал вечер, которого уже не существовало.

— Не углубляйся, — сказала Лиор.

— Я ищу дверь.

— Ты ищешь его.

— Одно не исключает другое.

Белое кольцо дрогнуло под повязкой. Тея понизила чувствительность импланта. Голос Эса не появился. От этого стало легче и обиднее.

Скрытая комната находилась за стеной у кухонного стола. Тея помнила эту стену до последнего пятна. В шесть лет нарисовала там углём птицу, хотя никогда не видела птиц над Керном. В девять прожгла штукатурку опытной струной. В тринадцать швырнула в Лиор кружку и промахнулась. Следы сохранились. Пространства для двери между ними не было.

Лиор достала белую половину ключа. Тея — чёрную.

Когда они приблизили части, схема возникла над столом. Линии комнаты наложились на реальность. По чертежу дверь была там, где висела полка с банками.

Тея сняла банки. Лиор отодвинула полку. За ней оказалась обычная стена.

— Может, вход с другой стороны, — сказала Лиор.

— С другой стороны ванная. Если папа прятал комнату в трубе, он заслужил смерть от собственной архитектуры.

— Тея.

— Что? Он бы согласился.

Она ударила костяшками по стене. Камень ответил твёрдо. Без пустоты.

Ключ показывал невозможный объём: три шага в длину, два в ширину. Дом снаружи не имел выступа. Комната не могла находиться ни здесь, ни где-либо рядом.

Лиор приложила пальцы к белой пластине.

— На похоронах замок открылся, когда ты настроила промежуток между ударами.

— Стена не бьётся.

— Дом дышит.

Они замолчали.

Дымовая заслонка открылась. По трубам прошёл тёплый воздух. Пол едва заметно расширился. Через семь минут дом выдохнет снова.

Тея поставила спицу в старый ожог на штукатурке. Лиор положила ладонь на стену и отсчитывала пульс заслонки. Первый выдох. Пауза. Второй.

На третьем Тея не ударила, а удержала наконечник в точке, где звука ещё не было.

Стена исчезла.

Не распалась и не открылась. Мир просто вспомнил, что на её месте должна быть дверь.

За порогом лежала тёмная комната.

Лиор отступила.

— Я жила здесь три года.

— Ты уже говорила.

— Я переставляла эту полку. Красила стену. Меняла трубу за ней.

— И?

— Этой комнаты не было.

Тея провела спицей по краю проёма. Материал не показывал следов недавней работы. Комната существовала давно, но дом разрешал её видеть только в промежутке между собственными ударами.

— Значит, папа спрятал не место, — сказала она. — Он спрятал память о месте.

Лиор не вошла.

Тея могла назвать это трусостью. Могла пройти первой и ещё раз доказать, кто из них способен действовать. Вместо этого протянула здоровую руку.

— Вместе.

Лиор посмотрела на ладонь, потом взяла её.

Они переступили порог.

Свет зажёгся от половин ключа. Комната была обитаемой, но не жилой. Вдоль стен стояли полки со звуковыми цилиндрами, каждый в войлочном гнезде. На столе лежали медицинские дуги старого образца и разобранный механизм, похожий на миниатюрную опору. От него в пол уходила белая жила.

Та самая линия к Сердцу.

На дальней стене висели детские рисунки.

Тея подошла ближе. Пять листов. Пять детей из мастерской до пожара. На рисунке Эса были кривые грузовые вагоны и человек, который держал город за верёвочку. На Теином — птица над пропастью. Она помнила, как рисовала её на кухонной стене, но не этот лист.

Лиор сняла с полки журнал.

— Здесь даты за два года до аварии.

— Что он делал?

— Осматривал добровольцев.

— Каких добровольцев?

— Нас.

Лиор развернула страницу. Имена детей, частота слуха, реакция на извлечение, время восстановления. Напротив Теи стояла пометка: «Высокая связность. Повторять только при крайней необходимости». Напротив Эса: «Стабильный носитель. Не информировать Палату до проверки».

— Он ставил на нас опыты, — сказала Тея.

— Здесь нет процедур, только наблюдение.

— «Реакция на извлечение» — это не наблюдение.

— Может быть, он осматривал после клиники.

— Мы не ходили в клинику.

Лиор побледнела.

— Я водила тебя однажды. После Восточного приюта. Ты не спала четыре дня.

— Мне было шесть.

— Врач сказал, что уберёт последние минуты обрушения.

— Ты разрешила?

— Андер разрешил. Я была несовершеннолетней.

— Но ты знала.

— Я знала, что тебе помогают.

Тея отпустила её руку.

Комната качнулась, хотя дом стоял неподвижно. Восточный приют жил в её памяти кусками: белая пыль, чья-то ступня под балкой, женщина без лица, которая толкнула Тею в вентиляционный шкаф. Потом мастер Венн. Потом Лиор, слишком молодая, чтобы быть матерью и слишком упрямая, чтобы оставить чужого ребёнка.

Между обрушением и новым домом всегда была ровная серая пустота.

Она считала её травмой.

— Что забрали? — спросила Тея.

— Я не знаю.

— Ты врач памяти.

— Тогда я была ученицей перевязочной службы.

— Очень удобно становиться специалистом после того, как уже помогла сломать меня.

Лиор отшатнулась, но не ответила.

На столе щёлкнул миниатюрный механизм.

Белая жила наполнилась светом. Один из цилиндров выдвинулся из полки и установился в проигрыватель. Крышка закрылась сама.

Голос Андера Венна произнёс:

— Если вы это слышите, значит, я не сумел выбрать между двумя плохими способами защитить вас.

Тея сжала край стола.

Запись была не эхом. Чистой, намеренной речью живого человека. Он сделал паузу именно там, где хотел.

— Лиор услышит слова. Тея, вероятно, услышит больше. Не верьте тому, в чём ваши версии слишком легко совпадут.

— Даже мёртвым командует, как нам слушать, — сказала Тея.

Лиор подняла палец: тише.

— Двадцать три года назад Палата Меры начала программу добровольных отчислений памяти. Официальной целью было заменить разрушавшиеся ритмические матрицы Сердца человеческими узорами. Нам сообщили, что личное содержание распадается при передаче. Это оказалось неправдой.

На слове «неправдой» Тея услышала второй голос.

Эс говорил одновременно с Андером:

— Он врёт.

Она резко обернулась. Лиор смотрела только на цилиндр.

— Ты слышишь?

— Запись отца.

— Под ней Эс.

Лиор закрыла глаза, прислушалась.

— Ничего.

— Он сказал, папа врёт.

Запись продолжалась:

— Сначала мы считали остаточные образы шумом. Затем пациенты начали узнавать места и людей, которых никогда не встречали. Палата приказала уничтожить данные. Я сохранил часть и создал эту комнату вне обычного ритма дома.

Эс шепнул:

— Не он создал.

— Кто? — спросила Тея.

— Что? — Лиор повернулась к ней.

— Не тебе.

Лицо сестры закрылось.

Андер говорил о линии к Сердцу. Старые дома настройщиков использовались как контрольные точки при первых испытаниях. Через них можно было наблюдать движение памяти, не входя в центральный архив. После сворачивания программы Палата удалила комнаты из планов и, где смогла, из воспоминаний владельцев.

— Из воспоминаний, — повторила Лиор.

Она смотрела на стену, будто та могла объяснить три года слепоты.

Запись Андера дала дату первого «добровольного отчисления». Лиор вздрогнула.

— Это день после Восточного приюта.

Тея почувствовала, как белое кольцо затягивается вокруг пальца.

— Моё извлечение было частью программы?

— Не знаю.

— Ты присутствовала.

— Я помню коридор. Помню, как ты держала меня за пуговицу. Потом мы уже дома.

— Ты не помнишь процедуру?

— Нет.

— А раньше помнила?

Лиор не смогла ответить.

Андер сказал:

— Если линия снова активна, Сердцу не хватает устойчивых узоров. Палата увеличит сбор. Сначала через оплату и долги. Затем назовёт его необходимостью. В архивных документах ищите термин «добровольное отчисление». Не пытайтесь открыть центральный контур напрямую. Выброс связанных следов может разрушить носителя.

Эс рассмеялся — тихо, почти рядом.

— Спроси про пожар.

Тея наклонилась к проигрывателю.

— Папа. Что произошло в мастерской?

Запись не могла отвечать.

Но белое кольцо коснулось механизма, и цилиндр повернулся назад сам.

— Не пытайтесь открыть центральный контур напрямую, — повторил Андер.

— Что произошло в пожаре?

Цилиндр ускорился. Слова смешались, затем остановились на другом участке записи, которого Лиор, судя по лицу, не слышала.

— Тея сняла ограничитель, — сказал Андер. — Но испытание началось раньше её действия.

Воздух исчез из комнаты.

Эс говорил под ним:

— Не слушай.

Тея видела собственную руку на винте. Помнила, как Эс предупреждал. Пять лет она утверждала, что система уже была нестабильна, а её действие ничего не изменило. Лиор утверждала обратное. Теперь мёртвый отец произносил обе версии сразу.

— Что ты слышишь? — спросила Лиор.

Тея могла сказать. Могла отдать ей фразу и увидеть, какая часть лица сломается первой.

— Шум.

Ложь отозвалась болью в кольце.

Запись Андера закончилась:

— Я не прошу вас исправлять мою ошибку. Только не позволяйте ей стать вашей привычкой. Дом откроет путь к рынку, где продают то, что Палата отрицает. Ищите человека, который помнит своё имя не каждый день.

Цилиндр остановился.

На внутренней крышке проявился знак: три пересекающихся дуги и точка. Тея знала его. Контрабандисты вырезали такой знак на сломанных домашних резонаторах, отмечая вход на ночной Рынок украденных дней.

— Мы идём в Палату, — сказала Лиор.

Тея уставилась на неё.

— Ты пропустила последнюю часть?

— С этими данными можно потребовать внутреннего расследования.

— У людей, которые стирали комнаты из памяти?

— Не вся Палата — Орд.

— Верно. Некоторые просто пользуются его печатями.

— Если мы пойдём на подпольный рынок, запись станет товаром. Её исказят, продадут, используют для паники.

— А в Палате её аккуратно положат в печь.

— Есть совет врачей, городской суд, независимые настройщики.

— Папа был независимым настройщиком. Очень помогло.

Лиор взяла журнал и несколько цилиндров.

— Я не позволю тебе решать за всех жителей, когда выпускать опасную информацию.

— Зато Палате позволишь решать, какие жители помнят собственных детей.

— Я пытаюсь сохранить доказательства.

— Ты пытаешься сохранить порядок, в котором всё ещё знаешь своё место.

Белая жила под столом вспыхнула.

Все цилиндры на полках одновременно щёлкнули.

Тея слышала отсутствие раньше звука.

За дверью комнаты образовалась человеческая дыра.

— Ложись! — крикнула она.

Стена исчезла под волной беззвучия. Не раскололась — потеряла память о том, что должна стоять. Полки рухнули наружу. Лиор упала, прижав журнал к груди. Тея перекатилась за стол и вытащила спицу.

В проёме стоял инспектор в белой маске.

Тот же рост, тот же наклон головы, что на башне. В руке стеклянный жезл. Вокруг него комната переставала звучать: цилиндры глохли один за другим, голоса обрывались на середине слов.

— Он уничтожает записи! — сказала Тея.

Лиор не слышала. Поле уже накрыло её.

Тея ударила спицей по столу. Ничего.

Без звука её инструменты были кусками металла.

Инспектор шагнул внутрь. Его жезл направился к белому кольцу.

Тея почувствовала Эса не как голос, а как движение в руке. Кольцо показало ей воспоминание о башне: инспектор отлетает к стене. Оно хотело повторить действие.

Если позволить, Лиор может оказаться на пути. Или комната выберет неправильное положение. Или кольцо возьмёт ещё один час.

Тея сунула спицу в белую жилу под полом.

Звуча не требовалось, если линия уже несла его.

Третий удар Сердца прошёл через металл и вошёл ей в локоть. Имплант вспыхнул болью. Спица зазвенела внутри беззвучного поля — не в воздухе, а в камне.

Инспектор замер.

Тея настроила жилу на собственный пульс. Пол ответил. Стол. Стены. Дом вспомнил тысячи обычных ударов: нож по доске, шаги Андера, детские драки, чашку, брошенную мимо Лиор.

Беззвучие поглощало текущий звук, но не могло проглотить уже случившийся.

Дом заговорил прошлым.

Инспектор отступил. Его поле дёрнулось под напором кухонных голосов. Лиор получила мгновение и бросила в него стеклянную ампулу. Та разбилась о маску. Прозрачная жидкость не издала звука, зато белая поверхность покрылась синими венами.

— Метка кровотока, — сказала Лиор, хотя Тея читала по губам. — Поле питается от его тела.

Синие линии пульсировали вместе с сердцем инспектора. Каждый удар расширял область тишины.

Тея поняла механизм.

Не нужно было пробивать поле. Нужно было сбить его ритм.

Она выдернула спицу из жилы и прижала к полу на частоте, расположенной между ударами сердца. Та же работа, что с замком. Лиор увидела и начала отбивать ладонью по камню ложный пульс — быстрее настоящего.

Инспектор повернул жезл к ней.

Тея ударила.

Дом выдал воспоминание о захлопнутой двери.

Невидимая створка прошла через комнату и отбросила инспектора в кухню. Его поле сорвалось. Мир вернулся одним оглушительным грохотом: падали полки, кричали цилиндры, свистела повреждённая жила.

— Он встанет, — сказала Лиор.

— Тогда попросим дом вспомнить шкаф.

Сёстры собрали сколько смогли. Лиор схватила журнал и три цилиндра. Тея выломала из стола участок белой жилы, обожгла ладонь и сунула фрагмент в футляр. Остальные записи уже гасли: беззвучие выжгло их поверхность.

Из кухни донёсся треск. Инспектор поднимался.

Тайная дверь исчезла вместе со стеной. Путь к окну перекрывал человек в маске. Осталась белая линия, уходившая под пол к Сердцу.

— Туда нельзя, — сказала Лиор. — Андер предупредил.

— Он предупредил не открывать центральный контур. Мы просто воспользуемся трубой.

— Это не труба.

— Всё является трубой, если достаточно узко.

Тея сняла глухой зубец со спицы и вогнала в край линии. Камень разошёлся, открывая вертикальный канал шириной в плечи. Из глубины пахнуло тёплым металлом и чем-то сладким — запахом клиники после извлечения.

Лиор заглянула вниз.

— Куда ведёт?

— По ключу — к старому распределителю. Потом на запад.

— На запад что?

Тея показала знак трёх дуг на крышке цилиндра.

— Рынок.

Инспектор вошёл в комнату. Синие линии на маске уже тускнели.

Лиор первой спустилась в канал.

Тея задержалась у края. В доме звучал Андер: обрывки наставлений, кашель, шаги. Среди них Эс звал её по имени.

— Ты идёшь? — крикнула Лиор снизу.

Тея посмотрела на белое кольцо.

— Папа сказал, что я сняла ограничитель после начала испытания.

Лиор замерла в канале.

Инспектор был в трёх шагах.

— Почему ты не сказала сразу?

— Хотела проверить, соврёшь ли ты без помощи Палаты.

— И?

— Ты ещё не ответила.

Лиор закрыла глаза.

— Я помню, что ты сняла его первой. Помню абсолютно ясно.

— Тогда одна из наших памятей лжёт.

— Или запись отца.

Стеклянный жезл поднялся.

Тея прыгнула в канал. Лиор поймала её за пояс, и обе сорвались вниз. Камень сомкнулся над головой в тот момент, когда беззвучная волна срезала край отверстия.

Они падали недолго. Канал выгнулся и выбросил их на наклонную служебную галерею. Тея прокатилась до решётки, Лиор ударилась коленом и выругалась словом, которого врачам не преподавали.

Наверху инспектор не последовал.

Это пугало больше погони.

Галерея уходила между внутренними рёбрами города. По одной стороне бежала белая жила, по другой — тонкие трубы клиник. В них двигались светящиеся обрывки. Слова, цвета, лица. Память текла к Сердцу открыто, как вода, и никто на улицах не знал, что находится у них под ногами.

Лиор приложила ладонь к одной трубе. Внутри проплыла детская рука с зелёной варежкой.

Она отдернула пальцы.

— Варежка из клиники.

— Теперь веришь?

— Я верила пациентам.

— Но не мне.

— Ты не пациент, Тея.

— Вот в чём всегда была проблема. Чтобы ты поверила моей боли, мне нужно лежать и не двигаться.

Лиор опустилась на решётку. Колено кровоточило, лицо стало серым.

— Я помнила ту комнату, — сказала она.

— Что?

— Не саму комнату. Ощущение, что за стеной что-то есть. Первые месяцы после твоего ухода я каждое утро ставила на стол третью чашку. Не понимала зачем. Потом перестала. Я решила, что чашка для тебя.

— А для кого она была?

— Не знаю.

По трубе прошёл чужой смех.

Тея села напротив. Между ними пульсировала линия Сердца.

— Папа сказал искать человека, который помнит своё имя не каждый день.

— Контрабандиста.

— Или пациента.

— На рынке это часто один человек.

Лиор перевязала колени и поднялась.

— У нас три цилиндра, журнал и две версии пожара. Инспектор знает, что мы ушли по линии. Он сообщит Орду.

— Если Орд не отправил его.

— Отправил. Но я не уверена, что приказал уничтожить нас.

— Очень утешает.

— Беззвучный мог убить тебя на башне. Вместо этого пытался забрать кольцо. В доме он прежде всего глушил записи.

— Значит, Орд хочет устройство и тишину. Как необычно для Палаты.

Лиор посмотрела вдоль галереи. На западе белая жила делилась на множество тонких каналов. Некоторые уходили вверх, к домам Доков. Другие — вниз, к архиву. Между ними был один тёмный канал без света.

На металле возле него выпарапали три дуги и точку.

— Туда? — спросила она.

Тея подняла футляр.

— Туда.

— Мы ничего не покупаем и не продаём.

— Конечно. Мы всего лишь две женщины с украденной памятью, секретным журналом и куском Сердца. На таком рынке нас примут за туристов.

Впервые за ночь Лиор засмеялась.

Тихо и невесело, но по-настоящему.

Тея не помнила, когда слышала этот смех в последний раз. Возможно, он находился в отданном зимнем часе. Возможно, никакое кольцо его не забирало — она сама слишком долго не приходила.

Эс прошептал у неё в ухе:

— Не доверяй ей.

Тея коснулась импланта.

— Ты знала, что папа наблюдал за нами после извлечений? — спросила она.

— Нет.

— Что в его записи было после слов «Тея, вероятно, услышит больше»?

— Сразу программа отчислений. А ты?

— То же самое.

Ещё одна ложь. На этот раз кольцо не наказало её болью.

Оно училось вместе с ней.

Сёстры вошли в тёмный канал. Позади дом продолжал повторять жизнь Андера Венна, пока инспектор стирал её цилиндр за цилиндром.

Впереди кто-то продавал чужие дни.

Глава 4. Рынок украденных дней

На Рынок украденных дней не приходили дважды одним человеком.

У входа продавали имена.

Старик за деревянной стойкой держал связку тонких костяных пластин. На каждой было вырезано слово. Не настоящее имя — временное, годное до рассвета. Покупатель выбирал пластину, клал под язык и забывал, как представляться иначе.

— Обязательно? — спросила Лиор.

— Нет, — ответил старик. — Можете войти со своим. Если оно вам не дорого.

Тея перебрала пластины.

«Медь». «Река». «Никто». «Позже». «Не спрашивай».

Она выбрала «Гром».

— Скромно, — заметила Лиор.

— «Порядок» тебе оставили.

Лиор взяла пластину без надписи.

— Что это значит?

— Что вы достаточно долго были чужим именем, — сказал старик.

Он не попросил денег. Вместо платы каждая положила ладонь на тёмный камень. Тея ощутила лёгкий укол в основании большого пальца. Камень забрал не воспоминание, а свежий отпечаток намерения — зачем она пришла.

На его поверхности появились две линии. Теина была неровной, раздваивалась и снова соединялась. Лиорина шла прямо, пока возле конца не сворачивала назад.

Старик посмотрел на них с сожалением.

— Не задерживайтесь после четвёртого колокола.

— Почему? — спросила Лиор.

— Потому что пятого нет.

За стойкой начинался рынок.

Он занимал старый распределитель городской вентиляции. Круглые галереи расходились от центральной шахты, по которой поднимался тёплый воздух Сердца. Торговые места висели на цепях, стояли в нишах, двигались по рельсам и иногда исчезали в стене вместе с покупателем. Лампы горели цветами, которых Тея не видела на поверхности: зелёным старого сна, розовым стыда, белым мигом перед ударом.

Здесь почти не продавали вещи.

В первой лавке женщина предлагала три года профессионального равновесия. Строитель мог на месяц получить её навык ходить по узким балкам, пока сама продавщица не могла подняться на табурет без тошноты. В соседней нише сдавали в аренду вкус богатой еды: клиент жевал серый хлеб и чувствовал праздничное мясо. Дальше молодой человек выбирал храбрость перед дракой. Торговец предупреждал, что воспоминание не укрепляет кости и не учит побеждать, оно только убирает привычку отступать.

— Это незаконно на стольких уровнях, что мне не хватает пальцев, — сказала Лиор.

— Можешь купить дополнительные.

— Я серьёзно.

— Они тоже.

Тея остановилась у прилавка с детством.

В стеклянных пузырьках лежали простые минуты: тёплая рука на лбу, первый снег на верхнем ярусе, запах выпечки, ощущение, что взрослые знают ответ. Продавец давал пробовать через тонкую серебряную нить. Женщина в дорогом пальто прикоснулась к ней губами и закрыла глаза.

На секунду её лицо стало молодым и беззащитным.

— Беру утро с качелями, — сказала она. — Без матери. Голос раздражает.

— Голос связан с равновесием, — предупредил продавец. — Если отсечь, ощущение полёта станет слабее.

— Тогда приглушите.

Тея пошла дальше.

— Ты в порядке? — спросила Лиор.

— Не начинай проверять зрачки.

— Я задала человеческий вопрос.

— Не уверена, что ты лицензирована.

Лиор взяла её за локоть.

— Ты отдала память сегодня. Здесь всё может с ней резонировать.

— Я помню, что отдала.

— Это не одно и то же.

Тея выдернула руку, но уже без прежней ярости. Белое кольцо тянулось к прилавкам. Под повязкой нити шевелились, узнавая тысячи родственных записей. Она чувствовала их как запах еды после голода.

Эс молчал.

Возможно, боялся конкуренции.

Они искали три дуги и точку. Знак появлялся на косяках, монетах, лбах посредников, но каждый раз одна дуга была длиннее или точка находилась снаружи. Подполье защищалось неточностью: правильный знак видел только тот, кому уже показали.

У третьего перехода Лиор остановилась возле клинического кресла.

Оно было старым, с кожаными ремнями и серебряной дугой, как в официальных залах. В кресле сидел мужчина в рабочей куртке. Его жена держала на руках спящего ребёнка. Торговка подключала нить к его виску.

— Сколько? — спросил мужчина.

— За первый день ребёнка — хватит закрыть отопление до весны.

— А за первый год?

Жена всхлипнула.

— Мы договаривались про день.

— До весны, — повторил мужчина. — Потом опять долг. Сколько за год?

Торговка назвала сумму.

Лиор шагнула к ним.

— Вы понимаете риск связанных потерь?

Все четверо посмотрели на неё.

— Уходи, Пустая, — сказала торговка.

Пластина под языком Лиор передавала имя рынка. Пустая.

— Я врач памяти.

— Здесь это не профессия. Это признание в соучастии.

— Ваше оборудование не ограничивает глубину извлечения.

— Моё оборудование показывает клиенту, что уходит. Палата делает то же самое за стеной и называет чистым рисунком.

— Ребёнок не может согласиться, чтобы отец забыл его первый год.

Мужчина встал.

— Ребёнок не может согласиться мёрзнуть.

— Есть городская отсрочка.

Жена засмеялась одним сухим звуком.

— Подавали. Нам ответят после срока отключения.

Лиор открыла рот и закрыла.

Тея знала этот момент. Сестра столкнулась не с отсутствием правила, а с его правильной, бесполезной работой.

— Я могу оформить экстренное медицинское исключение, — сказала Лиор. — Потеря года родительской памяти угрожает ребёнку.

Торговка скрестила руки.

— И где семья проведёт ночь, пока вы оформляете?

Лиор сняла с пояса служебный знак. Она не оставила его в Доме без эха — спрятала второй, врачебный, под одеждой. Приложила к домашнему долговому жетону мужчины и перенесла обязательство на свой счёт.

— Теперь тепло не отключат.

Мужчина уставился на погасшую красную метку.

— Зачем?

— Потому что я вмешалась.

— Вы всегда платите за тех, кому читаете лекцию?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.